

ГОГОЛЬ.*

Москов.

Вид.
№ 54
1902.

III.

Красоты природы въ Германіи и Швейцаріи произвели на измученнаго послѣдними петербургскими невзгодами писателя чрезвычайно благотворное вліяніе; уже чрезъ два-три мѣсяца послѣ отъѣзда онъ сообщаетъ Жуковскому, что „снова чувствуетъ въ своей душѣ львиную силу и слышитъ переходъ свой изъ дѣтства, проведеннаго въ школьныхъ занятіяхъ, въ юношескій возрастъ“; отрѣшаясь постепенно за границей отъ своего прежняго враждебнаго отношенія къ *Ревизору*, Гоголь пишетъ тамъ два превосходные разбора этой комедіи: *Театральный развѣдъ* и *Развѣзку*, въ которыхъ, между прочимъ, онъ великодушно сумѣлъ отвѣтить критикамъ, порицавшимъ пьесу за отсутствіе въ ней положительныхъ типовъ: онъ говорилъ, что „было одно честное, благородное лицо, дѣйствовавшее во все продолженіе ея: это честное, благородное лицо было *Смѣхъ*.“

Въ Швейцаріи же имъ были начаты первыя главы *Мертвыхъ Душъ*, стоящія не только по времени появленія, но и по силѣ творчества, безспорно, выше всего, написаннаго Гоголемъ раньше. Сообщая Жуковскому о началѣ этого обширнаго труда, авторъ, между прочимъ, говоритъ: „Если совершу это твореніе такъ, какъ нужно его совершить, то какой огромный, какой оригинальный сюжетъ! Какая разнообразная куча! Вся Русь явится въ немъ! Это будетъ первая моя порядочная вещь, которая вынесетъ мое имя“.

Гоголь, дѣйствительно, изъ всѣхъ силъ старался совершить „твореніе такъ, какъ нужно“; онъ, по словамъ Берга, передѣлывалъ и переписывалъ до восьми разъ, не мало въ то же время работая надъ созданіемъ живаго, образнаго языка поэмы. Не даромъ онъ просилъ своихъ столичныхъ друзей выслать ему за границу *Оптимизма*, *Горе отъ ума*, *Васни Дмитріева* и *Русскія пьесы Сахарова*, чтобы „назвучаться на чужбинѣ русскими звуками и рѣчью“.

Зиму 1837 года Николай Васильев-

вичъ провель, вмѣстѣ съ Данилевскимъ, въ „столицѣ міра“, Парижѣ. Здѣсь, какъ и въ Швейцаріи, онъ довольно мало сблизился съ иностранцами и вель знакомства преимущественно съ Русскими пріѣзжими; среди послѣднихъ наибольшую симпатіей у него пользовалась упомянутая раньше Смирнова; съ нею онъ вмѣстѣ осматривалъ достопримѣчательности Парижа и Версаля, вмѣстѣ съ нею вспоминалъ онъ родную Украину и не менѣе ставшую родною его сердцу великую Русь.

Въ Парижѣ застала Гоголя и горестная вѣсть о неожиданной кончинѣ Пушкина. Нѣсколько позже, изъ Рима, онъ такъ выражалъ, въ письмѣ къ Плетневу, свою неутѣшную скорбь о великомъ поэтѣ: „Никакой вѣсти нельзя было получить хуже изъ Россіи... Все наслажденіе моей жизни, все мое высшее наслажденіе исчезло вмѣстѣ съ нимъ. Ничего не предпринималъ я безъ его совѣта. Ни одна строка не писалась безъ того, чтобы я не воображалъ его предъ собою. Чтѣ скажетъ онъ, чтѣ замѣтитъ онъ, чему посмѣется, чему изречетъ неразрушимое и вѣчное одобреніе свое,—вотъ чтѣ меня только занимало и одушевляло мои силы. Тайный трепетъ предвѣщаемаго на землѣ удовольствія обнималъ мою душу.“

Вѣроятно, эта именно тоска по Пушкинѣ понудила впечатлительнаго писателя покинуть шумный Парижъ и отправиться въ Италію, поэтическая природа которой вдохновляла его еще въ юношескіе годы. Онъ, дѣйствительно, не обманулся въ своихъ ожиданіяхъ. Въ Римѣ его охватила по пріѣздѣ вся прелесть южной весны, производившая „среди дряхлыхъ развалинъ, зацвѣтшихъ плющомъ и дикими цвѣтами“, сильное, неотразимое впечатлѣніе на глубоко-чувствующаго поэта-писателя. „Все прекрасно подѣ этимъ небомъ“, пишетъ онъ Плетневу, „чтѣ ни развалина, то и картина, на человѣкѣ какой-то свергающій колоритъ; строеніе, дерево, дѣло природы, дѣло искусства,—все, кажется, дышетъ и говоритъ подѣ этимъ небомъ... Нѣтъ лучшей участи, какъ умереть въ Римѣ: цѣлою верстой здѣсь человѣкѣ ближе къ Богу.“

Дѣйствительно, въ Италіи все нравилось, все увлекало Гоголя. Произведенія искусства древнихъ и новыхъ періодовъ очаровывали его въ одинаковой степени, какъ и окружающая цвѣтущая природа; цѣлые дни проводилъ имъ въ картинныхъ галереяхъ и мастерскихъ италіанскихъ и русскихъ художниковъ. Наибольше

близко онъ сошелся въ это время съ знаменитымъ творцомъ *Явленія Христа народу* Александромъ Андреевичемъ Ивановымъ, уже начавшимъ въ ту эпоху свою извѣстную картину. Кромѣ Данилевскаго, странствовавшаго по Европѣ вмѣстѣ съ Николаемъ Васильевичемъ, у него въ первые же годы жизни въ Римѣ побывали петербургскіе и московскіе друзья: Жуковскій, Погодинъ, Панаевъ, Шевыревъ, Анненковъ и другіе; здѣсь же ему пришлось нѣкоторое время ухаживать за больнымъ чахоткой юношей—графомъ Юсифомъ Вельгорскимъ, къ которому Гоголь успѣлъ на чужбинѣ чрезвычайно сильно привязаться.

Осенью 1839 года Николай Васильевичъ съ неоконченнымъ еще первымъ томомъ *Мертвыхъ Душъ* и небольшою повѣстью *Шинель*, выхваченною изъ жизни мелкаго петербургскаго чиновничества, рѣшается покинуть на время, ставшій ему второю родиной, Вѣчный городъ и пріѣзжаетъ въ Москву. Тутъ онъ былъ встрѣченъ въ семьѣ Аксаковыхъ поистинѣ съ распростертыми объятіями, и это обстоятельство понятно произвело на писателя въ высшей степени отрадное впечатлѣніе.

Изъ Москвы Гоголь отправляется на время въ сѣверную столицу съ цѣлью нѣсколько поправить свои запутанныя въ матеріальномъ отношеніи обстоятельства, но ни долгія и неприятныя хлопоты, ни сочувствіе таковаго вліятельнаго при дворѣ человека, какъ Жуковскій, ничто не могло ему уладить дѣла о денежномъ пособіи; только благодаря чрезмѣрной добротѣ С. Т. Аксакова, съ большою деликатностью, даже безо всякой просьбы со стороны Гоголя, предложившаго своему нуждающемуся по перу обрату 2.000 руб., Николай Васильевичъ могъ покинуть холодный и равнодушный Петербургъ и снова отправиться въ манившую его Италію.

Вернувшись въ любимый Римъ, Гоголь съ прежнею энергіей принимается за продолженіе *Мертвыхъ Душъ*, но увылъ влѣдствіе слабости своего организма, не выдержавшаго чрезмѣрной творческой дѣятельности, заболѣваетъ здѣсь сильнѣйшею болотною лихорадкой. Среди припадковъ маляріи, сопровождавшихся слабостью и упадкомъ духа, Николай Васильевича, по словамъ лѣчившаго его Боткина, посѣщали какія-то видѣнія, чтѣ, конечно, еще болѣе угнетало слабые нервы писателя. Поддержаннаго, сверхъ того, вѣроятно, наслѣдственному, „страху смерти“.

Когда физическія страданія Гоголя нѣсколько уменьшились, и онъ снова принялся за литературную работу, то въ его душѣ подѣ вліяніемъ размышлений, навѣянныхъ болѣзнью, сильная религіозность, никогда не покидавшая его съ дѣтства, замѣтно усилилась еще болѣе, и онъ сталъ гораздо серьезнѣе относиться къ предпринятому имъ труду.

„Созданіе чудное творится и совершается въ душѣ моей,—пишетъ онъ Аксакову,—и благодарными слезами полны глаза мои. Здѣсь явно видна мнѣ святая воля Бога: подобное внушеніе не происходитъ отъ человѣка; никогда не выдумать ему такого сюжета.“

Подобный мистически-торжественный взглядъ на свое произведеніе находился, безъ сомнѣнія, въ связи съ образомъ жизни въ то время нашего писателя: въ эту эпоху пребыванія въ Римѣ онъ читалъ только произведенія классической старины, допуская сюда изъ новыхъ авторовъ одного Пушкина; кромѣ того, его пламенное возмущеніе было настолько поражено вѣдшимъ величіемъ католицизма, что нѣкоторые изъ соотечественниковъ заподозрили его даже въ намѣреніи перейти изъ православія въ католическую вѣру.

IV.

Лѣтомъ 1841 года Гоголь снова пріѣзжаетъ въ Москву, съ цѣлью наблюдать здѣсь на мѣстѣ за печатаніемъ только-что оконченнаго имъ перваго тома *Мертвыхъ Душъ*. Московскіе друзья и знакомые замѣтили въ писателѣ большую перемену, произошедшую за послѣдніе полтора года: геперь онъ сильно похудѣлъ, поблѣднѣлъ, а прежняя веселость у него замѣнилась серьезнымъ религіознымъ настроеніемъ, привычный юморъ теперь вспыхивалъ лишь изрѣдка и ненадолго.

Въ Первопрестольной на долю Николая Васильевича выпало въ этотъ пріѣздъ не мало волненій изъ-за предпринятаго имъ изданія въ виду того, что Московская цензура рѣшительно отказывалась пропустить *Мертвыхъ Душъ*, ссылаясь, между прочимъ, на невѣрность заглавія книги, такъ какъ „душа признается де религіей безсмертной“. Цѣлая зима проходила для Гоголя въ утомительныхъ и бесплодныхъ хлопотахъ, и только весной слѣдующаго 1842 года, влѣдствіе исключительно содѣйствія высокопоставленныхъ лицъ, произведеніе получило, наконецъ, желаемое разрѣшеніе къ печати и было сдано въ типографію.

* Окончаніе. См. *Моск. Вид.* № 53.